

тропинках

стал автором популярной космической песни

лась ко мне более благосклонной, чем раньше.

Как-то к концу рабочего дня я заметил, что другая наша Наташа – Сухаревич обзванивает подряд всех известных поэтов-песенников и просит их написать песню на «космическую тему». На вопрос, через какое время нужна эта песня, Наташа отвечала: «Через две недели».

Поэты были возмущены. Очевидно, что к этому жанру наша редакция относится несерьезно. Настоящая песня впопыхах не пишется, она должна быть задумана, выношена, выстрадана. После того как ее обругал последний из знаменитостей поэт Лев Ошанин, Наташа совсем расстроилась и продолжала листать справочную телефонную книгу Союза писателей уже почти без всякого смысла. И тут я решил сказать ей, что если у нее под рукой все равно никаких поэтов нет, то я могу попробовать написать эту песню.

– Ты? – Она посмотрела на меня с недоверием. – А ты что, пишешь стихи?

– Пописываю, – признался я. – Но ведь песни ты никогда не писал?

– Не писал, – согласился я, – но могу попробовать. – Она смотрела на меня, долго молчала, думала.

– Ну хорошо, – произнесла наконец. – А сколько времени тебе нужно?

– Завтра принесу, – сказал я. – Завтра? – не поверила она. – Если тебе нужно, могу постараться сегодня.

– Сегодня не надо, – сказала она, – а завтра... Неужели к утру напишешь?

– Но ты же все равно ничего не теряешь, – резонно заметил я. – Ну да, ты прав... Ну что ж, дерзай.

И я дерзнул. Не только в надежде удержаться на работе... Мне было важно доказать самому себе, что не зря я взялся вообще за перо, что люди, не принявшие меня в Литературный институт и отвергшие мои стихи в журналах, неправы, я не графоман, я поэт и могу работать в этом жанре на достаточно высоком профессиональном уровне.

Утром следующего дня я принес обещанный текст и, пока Наташа читала, следил за ее реакцией со страхом. А реакции никакой не было. Она читала текст, словно проходную газетную заметку, без всякого выражения. А потом придвинула к себе телефон и набрала номер:

– Оскар Борисович, у меня для вас есть потрясающий текст. Пишите: «Заправлены в планшеты космические карты, и штурман уточняет в последний раз маршрут. Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом, у нас еще в запасе четырнадцать минут». Записали? Диктуйте дальше: «Я верю, друзья, караваны ракет помчат нас вперед от звезды до звезды...» Что? Рифма? У вас, Оскар Борисович, испорченное воображение. Наши слушатели – люди чистые, им такое и в голову не придет. «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы», Оскар Борисович, следы, а не то, что вы думаете.

Оскар Борисович Фельцман был уже очень известный к тому времени композитор, автор шлягеров, распеваемых в кино, на улицах, в поездах и ресторанах. Неужели он в самом деле напишет музыку и превратит мои слова в настоящую песню? Я настолько привык к неудачам, что еще одну принял бы со смирением...

К концу дня Фельцман позвонил: музыка готова, кто будет петь? Я сказал: – Предложите Бернесу. Бернеса не нашли, нашли Владимира Трошина. Песню записали на пленку, пустили в эфир, и она сразу стала знаменитой.

Мое материальное положение резко переменилось. Я потом имел повод шутить, что денежная реформа 1961 года, когда стоимость рубля возросла в десять раз, меня никак не коснулась. Я как зарабатывал пятьсот – шестьсот рублей до реформы, так продолжал зарабатывать и после нее. А потом и побольше.

Стремительный рост моего материального благополучия на нашей кухне незамеченным не остался.

– Интересно, – говорила Полина Степановна, обращаясь к своей постоянной аудитории, – как люди исхитряются на одну зарплату столько все-

го покупать. Ну пусть он даже сто пятьдесят получает. Так все равно ж столько не купишь. А он себе пальто купил, жене пальто купил, вчера телевизор пронес, как сундук.

Когда же я купил и для начала поставил в коридоре смазанный тавотом мотоцикл (впрочем, довольно скромный – «Ковровец»), Полина Степановна замолчала и пренебрегать мною уже не решалась. Наоборот, при каждом моем появлении заискивающе улыбалась и торопилась поздравиться первой. И другие соседи тоже, воспринимая меня теперь как большого начальника, вели себя не без подобострастия. Особенно если моему отражению удавалось мелькнуть в телевизоре. Когда я (обычно поздно и в некотором подпитии) возвращался домой и шел по нашему длинному коридору, двери на моем пути поочередно приоткрывались и из них шелестело почтительное «здравствуйте». А я, не замедляя движения, кивал налево и направо и отвечал:

1961 год. Москва встречает первопроходца «пыльных тропинок»

– ...ссте, ссте, ссте.

И так было до самого того момента, когда в газете «Известия» появилась разгромная статья по поводу моей повести «Хочу быть честным». Статья называлась «Точка и точка зрения». Она была подписана каким-то инженером из города Горького, но соседи правильно поняли (все-таки советские были люди), что эти статьи простые инженеры по своей воле не пишут, а значит, есть определенное указание сверху. Статья была внимательно прочтена и всесторонне обсуждена. Итог обсуждению подвела Полина Степановна.

– Ничего, – сказала она с таким чувством, словно мой ошеломительный и незаконный успех приносил лично ей крупные неприятности. – Ничего. Скоро Хрущев погонит его из писателей.

Но времена, как мы помним, были либеральные, оттепель, меня из писателей пока еще не погнали (через десять лет еще как погонят!), моя фамилия где-то продолжала мелькать. Полина Степановна прильнула к суровой реальности и однажды, приблизившись ко мне в коридоре, утешила:

– Ничего. Хрущев тоже напустился на Жукова. И что? Ничего, Хрущев злобится, а тот себе ходит, похрапывает, попердывает, живет...

Но это она мне скажет года через четыре после описываемых событий, а тогда, осенью 1960 года, у меня все шло хорошо. Можно сказать, был год сплошного везения. В сентябре я написал первую песню, стал очень хорошо зарабатывать, и тогда же в «Новом мире» у меня приняли (и можно сказать, на ура) мою первую повесть «Мы здесь живем». На радио я уже не боялся, что меня выгонят с работы, к своим редакторским обязанностям относился чем дальше, тем безответственнее и, по

Державное рукопожатие на Земле

существу, скоро вообще от исполнения их отказался. Я писал тексты песен и в этом качестве оказался очень удобным кадром. Любый редактор нашего отдела, составляя ту или иную программу, мог всегда заказать мне песню на нужную ему тему и мог не сомневаться, что она будет готова в нужный срок. Если надо, завтра. Если надо, даже сегодня. В день, когда был запущен в космос Юрий Гагарин, мне позвонили через несколько минут после старта. Когда Гагарин спустя девяносто минут вернулся на Землю, Оскар Фельцман уже писал музыку к моим словам, посвященным этому событию.

Я проработал на радио около полугода и за это время написал десятка четыре песен. Были среди них однодневки, были и широко известные. Но сам я, едва начав работать в этом жанре, сразу же потерял к нему интерес. Я доказал себе, что могу писать и так, и теперь меня волновало другое.

Однако история моей «космической» песни на этом не кончилась. Несмотря на то, что она действительно очень быстро стала популярной и скоро ее стали даже называть «Гимном космонавтов», многие люди продолжали ее редактировать и переделывать. С самого начала один редактор заменил в песне эпитет, вместо «планета голубая» написал «планета дорогая». На вопрос, почему он это сделал, он сухо ответил, что так лучше. Потом мне позвонили из музыкальной редакции.

– Владимир Николаевич, мы хотим вашу песню про космонавтов записать на пластинку.

– Очень хорошо, – сказал я. – Давно пора.

– Но у нас к тексту есть одна претензия. Там у вас написано: «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы». Почему эти тропинки пыльные?

– Видите ли, – взялся я объяснять. – На этих планетах дворников нет, а пыль оседает. Космическая пыль.

– Ну да. Может быть, оно и так, но вы как-то этим снижаете романтический образ. Давайте лучше напишем «На новых тропинках».

– Нет, – возразил я. – Это никак не годится. На новых можно написать, только если имеется в виду, что там еще были и старые.

– Ну хорошо, тогда напишите «на первых тропинках».

– Не напишу я «на первых тропинках».

– Почему?

– Потому что на пыльных тропинках – это хорошо, а на первых – это никак.

Советские редакторы удивляли меня всегда не своей политической бдительностью, а способностью находить в тексте и убирать из него как раз те слова, строки и абзацы, которые делают его выразительным.

Я отказался менять эпитет, музыкальная редакция отказалась издавать пластинку. Но потом, летом 1962 года, песню дуэтом спели в космосе космонавты Николаев и Попович. А Никита Сергеевич Хрущев устроил им грандиозную встречу и, размахивая руками, прочитал с выражением с трибуны мавзолея:

– На пыльных тропинках далеких планет останутся... – Тут он запнулся, подумал и исправил ударение: – Останутся наши следы.

Быть процитированным советским вождем – это больше, чем получить самую высокую премию.

Вокруг песни и ее авторов начался ажиотаж. «Правда» напечатала песню в двух номерах подряд. Сначала красным шрифтом в вечернем экстренном выпуске и затем будничным шрифтом в утреннем номере. После этого мне позвонила та же дама из музыкальной редакции:

– Владимир Николаевич, мы немедленно выпускаем вашу пластинку.

– Что значит немедленно выпускаем? – сказал я. – А вы спросили разрешения автора?

– А вы можете не разрешить? – удивилась она.

– Нет, почему же. Я разрешаю, но у меня есть поправка.

– Какая поправка? – спросила она настороженно.

– Небольшая, – сказал я. – Там есть строчки насчет пыльных тропинок, так я бы хотел их как-нибудь переделать.

– Вы смеетесь! – закричала она. – Вы знаете, кто цитировал эти строки?

– Я знаю, кто их цитировал. Но я тоже знаю, кто их написал. Так вот, написавшему кажется...

Конечно, я над ней издевался. Но, поиздевавшись, разумеется, уступил.

Пластинка была выпущена, но покушения на текст на этом не кончились. После встречи на Красной площади и в Кремле Николаеву и Поповичу было устроено чествование и на телевидении. Героев приветствовала толпа, состоявшая из так называемых передовиков производства, артистов, военных, поэтов, композиторов и секретаря Чувашского (Николаев – чуваш) обкома КПСС. Космонавты совсем ошалели от свалившихся на них почестей. Но вели себя по-разному. Николаев как будто даже стеснялся, а Попович в упоении славой выпячивал грудь, принимал импозантные позы и строил глазки актрисе Алле Ларионовой. А когда Владимир Трошин спел теперь уже специально для них песню «На пыльных тропинках», он решил показать, что и в этом деле тоже кое-что понимает.

– Вот у вас там поется «закурим перед стартом», – сказал он, – а мы, космонавты, не курим.

– Это мы исправим! – закричал кто-то.

И исправили.

Хотя я доказывал исправителям, что писал вовсе не о Поповиче, который до пыльных тропинок не долетел, а о космонавтах отдаленного будущего, для кого полеты в космос станут делом обычным, будничным. Покурил, растоптал окурки, полетел. Тут уж меня никто не послушал, потому что космонавты тогда заживо причислялись к лику святых. Их критиковать было нельзя, а они могли себе позволить многое, в том числе, естественно, могли и сколько угодно вмешиваться в литературу и давать указания авторам, что, впрочем, позволялось делать всем кому не лень – партийным функционерам, кагэбэшникам, сварщикам, банщикам, токарям, пекарям и дояркам. Песню исправили и вместо «Давайте-ка, ребята, закурим...» пели «споемте перед стартом».

Как-то, будучи в Доме литераторов, я услышал, что в одном из залов перед писателями выступают Николаев и Попович.

Я пошел туда и у ведущего Евгения Рябчикова попросил разрешения сказать кое-что. Тот, думая, что я, очевидно, пришел сказать гостям что-то приятное, охотно предоставил мне слово. Я выступил и сказал, что когда-то учился в аэроклубе и умею летать на самолете По-2 (знаменитом «кукурузнике»).

– Так что, – сказал я космонавтам, – я в вашем деле понимаю примерно столько же, сколько вы в моем. Но я же вас не учу, как надо летать на космических аппаратах, а вы меня учите, что и как я должен писать.

Разумеется, космонавтам мое замечание не понравилось, но песня продолжала звучать в исправленном виде.

За полгода своих усилий в песенном жанре я был весьма продуктивен, но из всех сочиненных мной песен самой знаменитой оказалась самая первая. Успех ее меня немного смутил, но это продолжалось недолго. Когда меня начали наказывать за плохое поведение, то мои книги, пьесы и киносценарии сразу запретили. А песни разные продолжали исполнять, и эту дольше других. Правда, без упоминания имени автора текста. А потом и вовсе убрали слова, оставили только музыку. Лет через двадцать, когда я стал опять разрешенным писателем, на песню эту тоже опала окончилась. Но уже наступили новые времена. И народ запел новые песни.